

Маша

ДУБРОВСКАЯ

ИЗМЕНА

Таможня не дает добро

Маша Дубровская

Измена. Таможня не дает добро

<https://litres.ru/74695589>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Масик, срочно заberi меня отсюда! – капризно-томным голосом тянет силиконовая мадам в обтягивающих лосинах с дерзкой леопардовой расцветкой.

— Рита Дмитриевна, там приехал ее папик. Будем слушать или сразу запрос и на него оформлять?

— Ну давай послушаем, может, удивит чем, – устало сажусь за стол и достаю таможенные формуляры.

И ведь действительно удивил!

Во-первых, тем, что его зовут Павел Константинович, а не Масик.

А во-вторых, что он уже почти двадцать лет как мой муж...

Все герои вымышленные, любые совпадения случайны!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Маша Дубровская Измена. Таможня не дает добро

Глава 1

— Рита Дмитриевна, там пассажирка буйная. Орет матом, угрожает засадить всех! – молоденький лейтенант таможенной службы аэропорта Домодедово аж краснеет от волнения.

— Угрожает, говоришь, – хмыкаю я. – Ну пойдем посмотрим, что там за дива такая грозная.

Цокаю каблуками по полу, про себя прокручивая мысленный список гостей и меню для праздничного стола в честь годовщины нашей с мужем свадьбы.

Двадцать лет - это не шутки, а серьезная проверка на прочность. Наш с Пашей брак выдержал многое: и съемную однушку, и одно мороженое на двоих, когда мы гуляли в парке с нашим первым сыном, а денег было в обрез - только на смесь и подгузники. И мою службу в таможне, и его восхождение по карьерной лестнице, а потом и в политике. Чего мне только не говорили про то, как Паша изменится, когда пробьется во власть. И про то, что начнет гулять, и про то,

что в тюрьму сядет по взятке.

Я лишь улыбалась и слала всех доброжелателей лесом, потому что я знаю Пашу со школы! Со всех сторон! И его слабости, и несовершенства. И я знаю то, чего не знает никто: Паша в детстве натерпелся от отца-алкоголика, и от матери, которой был не нужен. И свою семью он бережет, как зеницу ока. Сыновья его обожают и гордятся им – он самый лучший отец! И идеальный муж, который никогда не забывает дарить цветы и подарки жене, независимо от даты на календаре.

При мыслях о муже слегка улыбаюсь.

— Масик, срочно забери меня отсюда! – слышу капризно-томный женский голос, когда вхожу в помещение для осмотра. — И пересажай всю эту шваль за то, что своими грязными ручонками трогали мой чемодан от Луиса Виттона!

Наблюдая за мадам в обтягивающих лосинах с дерзкой леопардовой расцветкой, невольно хмыкаю. Эти силиконовые куклы даже не удосуживаются узнать, как правильно произносить имена тех, кто создал их дорогие сумочки.

— Луи ВьютОн, – произношу я.

— А? Што? – девушка отрывается от моби́льника и поворачивается ко мне лицом, хлопая поочередно то нарощенными ресницами, то накачанными губами.

— Луи ВьютОн. Ударение на последний слог. Так правильно произносится название бренда, от которого у вас чемодан. Кстати, вы включили его в декларацию? И сумочку?

Она, кажется, из новой круизной коллекции? – выразительно смотрю на сумку в ее руке. — Ох, а вот это кольцо от Картье тоже вроде бы только вышло?

— Да, очень ограниченная серия, – тут же хвастается девица, растянув слишком пухлые губы в широкой довольной улыбке. – Масик мне купил на годовщину нашего знакомства. Десять косарей евро отвалил и не ахнул! Ой... – тут же осекается она, заметив, как я беру бланк декларации со стола.

— И это ювелирное украшение тоже в декларацию не включили, ай-ай-ай, – цокаю я укоризненно.

— Масик уже едет! И вы все повылетаєте отсюда, как пробки! – девица начинает хамить.

— Мне очень страшно. И кто же ваш дорогой и щедрый Масик? – закатываю я глаза.

— Депутат! Очень влиятельный! Сейчас сами узнаете! – орет она. – И без адвоката я больше не скажу вам ни слова!

— Рита Дмитриевна, там приехал ее папик, – заглядывает мой зам Артем. — Будем слушать или сразу запрос и на него оформлять?

— Ну давай послушаем, может, удивит чем, – устало сажусь за стол и достаю формуляры.

С угрозами уволить нас всех или еще что похуже мы сталкиваемся по десять раз на день. Граждане совершенно не хотят знать законы и еще меньше – выполнять их. А на нас, сотрудников таможенной службы, то и дело пишут заявления

в прокуратуру лишь за то, что мы выполняем свою работу.

Слышу тяжелые шаги в коридоре, затем писклявый радостный вопль девицы. Поднимаю глаза на вошедшего мужчину и роняю ручку на пол.

Он тоже меняется в лице. Как будто вся кровь отливает от чисто-выбритых щек. А карие глаза с мелкими крапинками начинают судорожно перескакивать с леопардовых лосин на меня и обратно.

— Масик!

— Рита?

Их голоса раздаются одновременно.

— Паша, – разбавляю я их кокофонию своим твердым, правда чуть надтреснутым голосом.

— Это не то, о чем ты подумала.

— А я ни о чем таком не подумала, Мась. Я соскучилась ужасно! Вот зачем мы полетели разными рейсами и в разные аэропорты? У тебя ведь в Шарике все схвачено.

— Действительно, Мась, чего ты шлюху свою в багаж не упаковал? – презрительно поджимаю губы.

— А ты почему здесь, а не в Шереметьево? – муж не сводит с меня тяжелого взгляда.

— Потому что меня повысили неделю назад и перевели сюда начальником смены. А ты совсем не интересуешься делами жены? Ах да, тебе же некогда было. Да и в Магадане со связью не очень. Не знала, что рейсы из Магадана через Дубай теперь летят.

— Рит, давай дома поговорим, – чеканит Паша.

— Мась, ты что ее знаешь? – нарощенные ресницы начинают хлопать чаще. – Ой, эт што, жена твоя?

Девушка открывает рот, таращась на меня.

— Поговорим, Павел Константинович. Еще как поговорим. Только вот сейчас протокол об изъятии составим, опись, все как положено. Отправим на экспертизу, а потом обязательно поговорим. Адвокатов сразу готовь, потому что в суде будем говорить. Ах да, и пресс-службе своей дай задание сообщить всем о том, что известный борец за семейные ценности, куратор фонда поддержки института семьи сам-то не удержал член в штанах.

— Мась, так ты теперь на мне жениться можешь, да? – подает радостный голос леопардица.

— Заткнись ты! – шипит на нее мой идеальный муж.

— Артем, оформляй мадам грицацуеву, – прошу зама, из последних сил стараясь не потерять лицо.

— Я и не Грицацуева вообще, – слышу удивленный возглас девушки перед тем, как выйти из помещения, где моя жизнь только что разбилась, как фарфоровая тарелка, которую швырнули об стену.

Глава 2

До конца смены существую на автомате. Слава богу, Паша убрался из аэропорта без нервотрепки. Конечно, скандал и вынос мозга ждут меня дома, но хотя бы на работе не потеряю лицо окончательно.

Вечером передаю смену и долго сижу в машине на парковке аэропорта, пытаюсь переварить случившееся и найти разумное объяснение измене мужа.

Не могу.

Нет ни оправдания, ни объяснения! И переварить новость, что мужчина, которого я любила и от которого родила двоих сыновей, я тоже не могу.

Несварение у меня на неверность.

На Москву обрушивается ледяной дождь. Надо же, погода прямо в унисон с моим состоянием.

Мобильник пиликает мелодией из “Гарри Поттера” – это Ваня, мой младший сын поставил на себя. Шестнадцатилетний чемпион области по теннису и ярый фанат Гриффиндора, голубоглазый блондин с упрямым характером, но при этом такой ласковый мальчик.

— Да, Ванечка, – отвечаю с теплотой в голосе.

— Мам, у тебя все нормально? МЧС предупреждение прислали, гололед страшный, – в голосе сына беспокойство.

— Все хорошо, сыночек, я выезжаю. Здесь еще более-менее дорога чистая.

— Ладно. Осторожнее там давай. Но я на всякий случай буду отслеживать тебя, – бурчит Ваня и отключается.

Выезжаю на трассу и осторожно давлю на газ, чтобы почувствовать, насколько скользкой стала дорога. Вроде бы ничего страшного. Смелее увеличиваю скорость и еду домой.

С каждым километром в груди становится тяжелее, а к глазам то и дело подкатывают слезы.

Как же он мог? Почему? Ведь мы клялись любить друг друга до конца жизни! Ведь все у нас было прекрасно! И быт, и дети, и совместные отпуска. Да и в постели все всегда было прекрасно. Мы из тех немногих странных парочек, которые и после двадцати лет семейной жизни заводятся от одного взгляда друг на друга.

Нет, мы были такими. До сегодняшнего дня...

Мобильник снова пиликает.

Сбавляю скорость и включаю гарнитуру.

— Ритуль, на конец месяца все в силе? – раздается голос Веры. – Число гостей не изменилось?

— Вер... – не могу сдержаться и начинаю всхлипывать, одновременно часто моргая, чтобы прогнать слезы. — Отменяется все...

— Господи, что случилось? Умер кто? – охает подруга.

— Угу. Брак мой умер. Мертвее мертвых теперь, – нервно смеюсь и снова начинаю рыдать.

— Ритка, ну и дела... Что кобелина твой вытворил?

— Шлюху завел... И ... – не успеваю договорить, как слышу сбоку скрежет, а потом чувствую резкую боль, пронзившую левый бок. В тот же миг в лоб прилетает удар, и я отключаюсь...

— Так, Спящая царевна, глазки открываем. Богатыри соскучились и есть хотят, – орет мне в ухо хрипловатый мужской голос.

Пытаюсь разлепить тяжелые веки, но тут же снова зажимаюсь от яркого света.

— Красавица, хрустальный гроб отменяется. Поцелуя тоже не будет, так что просыпайся, – не унимается нахальный голос. – Хотя, если настаиваешь, могу и поцеловать. По-французски.

И вот от этой перспективы глаза сами собой распахиваются. Пару секунд мне приходится напрягать глазные нервы или как это называется, чтобы сфокусировать взгляд на чертовски привлекательном мужчине, который склонился над мной и, кажется, всерьез раздумывает над тем, чтобы поцеловать меня.

— Даже не думай ко мне прикасаться! – шиплю я и закашливаюсь от дерущей боли в гортани.

— Добро пожаловать обратно на грешную землю, – ухмыляется красивый нахал и отодвигается, вырывая меня из плена сандалово-цитрусового аромата с легкой едва улови-

мой ноткой табака.

Дождавшись, пока я откашляюсь, мужчина подает мне стакан с водой. Заметив, что моя рука трясется, едва справляясь с тяжестью стекла, он обхватывает мою руку своей и помогает попить.

— Спасибо, – тихо благодарю его и оглядываюсь по сторонам.

Судя по всему я в больнице, а этот нахал – врач.

— Я в больнице?

— Так точно, товарищ майор, – мужчина в белом халате отдает честь и встает по стойке смирно.

— Откуда вы знаете мое звание?

— Так вы в форме были, когда вас скорая привезла.

— Что случилось?

— Мажор, получивший права меньше суток назад, не справился с управлением на скользкой трассе и врезался в вашу машину, – докладывает врач, имитируя речь военных.

— Прекратите поясничать, – морщусь от громкого голоса и дотрагиваюсь до гудящих висков. — А это что еще такое?

Округляю глаза, нащупав толстый слой бинтов на голове.

— Пришлось состричь ваши шикарные локоны, чтобы спасти из когтистых лап старухи с косой, – лицо врача становится серьезным. — Надеюсь, вы не против.

— Настолько серьезно все? – шепчу я хрипло, в груди все сжимается от страха.

— Все позади.

— Можно мне зеркало? – прошу я.

— Я бы рекомендовал любоваться в зеркало через недельку, когда сойдут синяки и отеки.

— Дайте мне зеркало! Пожалуйста...

— Сейчас схожу к медсестрам, спрошу, есть ли у кого.

Врач выходит, а я ищу свой мобильник. Но на тумбочке пусто. Не успеваю расстроиться, как дверь в палату распахивается. Сначала влетает Ваня. Взъерошенные светлые волосы, глаза покраснели то ли от того, что не спал, то ли от того, что плакал.

— Мам, ты как?

— В порядке, – пытаюсь улыбнуться я, но чувствую боль в районе рта.

Сын садится на койку и легонько утыкается мне в плечо.

— Мать, ты нас напугала! – раздается басовитый голос старшего – Данила.

Студент Академии ФСБ как всегда выглядит с иголки – идеально отглаженные брюки, свитер поло поверх белоснежной футболки, идеально начищенные ботинки от известного бренда, кашемировый пиджак на меховой подкладке. Данил – завидный жених для половины столичных девушек из благородных семейств. И он это знает. Мой сын частенько меняет подружек и свысока смотрит на обслуживающий персонал. Он – копия своего отца. И я ругаю себя за то, что пропустила тот момент, когда он стал таким.

— Все уже хорошо, Дань. Врачи сделали свое дело на от-

лично, — киваю я, подставляя щеку для поцелуя.

— Надо еще разобраться, на отлично ли, — кривит губы сын. — Отец уже связался с клиникой частной, тебя вечером перезут туда.

При упоминании о Паше, сердце сжимается от болезненного ощущения.

— Здесь нормальная больница, не считаю нужным переезжать.

— Мам, не начинай. Жене депутата Скорикова не подobaет лежать в больнице для нищевородов, — фыркает сын.

Хочу было ответить колкостью на высокомерную реплику старшего отпрыска, но слова застревают в груди, когда в палату входит муж...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.